

Снаружи уже начал падать снег — первый снегопад этого года в Бэйпине. Небо было черным, как чернила, а земля — белой, словно мир разделился на две противоположные половины, инь и ян. Чэн Фэнтай, засунув руки в карманы пальто, медленно шел в сторону переулка Логу. Старина Гэ дважды нажал на клаксон, предлагая подвезти, но Чэн Фэнтай проигнорировал его. Старина Гэ не знал, что снова вызвало у хозяина такое настроение, но не осмелился докучать ему, лишь снизил скорость до минимума и медленно следовал за ним.

Шан Сижуй в это время снимал грим за кулисами, слушая, как Шэн Цзыюнь осыпает его комплиментами. После каждого спектакля у Шэн Цзыюня находилась целая гора восторженных слов, которые он с горящими глазами выкладывал перед Шан Сижум, казалось, он был даже более взволнован, чем сам главный герой.

Однако Шан Сижуй постоянно поглядывал на дверь, ожидая появления Чэн Фэнтая, и, не дождавшись, наконец прервал Шэн Цзыюня:

— А где второй господин?

Шэн Цзыюнь ответил:

— Он, кажется, выпил перед спектаклем. Когда зажглись огни на сцене, свет так резал ему глаза, что он чуть не заплакал. Думаю, он до сих пор сидит на своем месте, приходя в себя.

Шан Сижуй вспомнил, как во время финального поклона увидел на лице Чэн Фэнтая следы слез. Его выражение было странным, будто он изо всех сил сдерживал глубокую боль. Это зрелище заставило Шан Сижую вздрогнуть. Это точно не было просто опьянением. Сотрев с лица остатки грима, Шан Сижуй выбежал на сцену и посмотрел в зал, но зрительские места были пусты. Уйти, не попрощавшись, было не в стиле Чэн Фэнтая. Охваченный тревогой, Шан Сижуй, не обращая внимания на крики Шэн Цзыюня, схватил фонарь и бросился искать его в темном переулке. Добежав до выхода, он увидел вдалеке фигуру Чэн Фэнтая, медленно бредущую по снегу. Его силуэт, казалось, был окутан тысячью эмоций, и Шан Сижуй не осмелился нарушить его покой.

Он не стал догонять его, а просто стоял с фонарем в руке, тихо наблюдая за удаляющейся фигурой. Ему хотелось окликнуть его, спросить, как ему понравился спектакль, понял ли он его, понравился ли он ему. Но Шан Сижуй чувствовал, что все эти вопросы были уже лишними. Снег шел все сильнее, и, когда фигура Чэн Фэнтая окончательно исчезла в снежной пелене, Шан Сижуй повернулся и ушел.

Чэн Фэнтай брел по снегу почти всю ночь, а Старина Гэ, ехавший за ним на минимальной скорости, так и не дождался, когда тот сядет в машину. Когда он наконец вернулся домой, его пальто было промокшим насквозь, а на плечах и волосах лежал слой свежего снега. Пройдя мимо слуг, он молча направился во внутренний двор. Вторая госпожа, чей образ жизни сохранял традиции маньчжурской знати, спала, окруженная служанками, которые дежурили в ее комнате, готовые выполнить любое поручение. Матушка Линь, сторожившая в эту ночь, увидев, что Чэн Фэнтай вернулся, с улыбкой подошла к нему, стряхивая снег с его плеч, и тихо сказала:

— Сегодня какой-то особенный день, раз вы, второй господин, решили вернуться домой в такую погоду. Вторая госпожа уже спит. Четвертая госпожа после полдника переела кислого творога, у нее было расстройство желудка, она долго мучилась, но после лекарства наконец уснула.

Чэн Фэнтай повернул голову, слегка нахмутив брови, и пристально посмотрел на нее. Матушка Линь, почувствовав себя неловко под его взглядом, снова тихо позвала:

— Второй господин?

Но Чэн Фэнтай продолжал смотреть на нее, словно был в каком-то трансе. Матушка Линь схватила его за руку и несколько раз встряхнула, но он не реагировал. Испугавшись, она закричала:

— Второй господин! Что с вами? Инхуа! Инхуа, позовите вторую госпожу!

Вторая госпожа, привыкшая к тому, что ее муж часто пропадает ночами, особенно после банкетов, где неизбежно были развлечения, уже крепко спала, обняв младшего сына. Когда среди ночи в комнату ворвались перепуганные служанки с безучастным Чэн Фэнтаем, она была в ужасе. Вместе с прислугой она переодела его, обтерла его тело и приготовила теплое молоко. Чэн Фэнтай покорно позволял им делать с ним все, что угодно, но не отвечал ни на слова, ни на действия, словно его душа покинула тело.

Вторая госпожа и Матушка Линь в страхе переглянулись, и Матушка Линь тихо сказала:

— Близится зимнее солнцестояние, возможно, он столкнулся с чем-то нечистым на дороге.

Вторая госпожа с тревогой воскликнула:

— Вы старше и опытнее, помогите ему!

Матушка Линь кивнула:

— Это несложно.

С этими словами она взяла с туалетного столика баночку с румянами, набрала на палец немного красного цвета и, бормоча заклинания, попыталась нанести его на лоб Чэн Фэнтая.

В этот момент Чэн Фэнтай очнулся и схватил ее за руку, отодвигая подальше:

— Что вы делаете?

Вторая госпожа и Матушка Линь облегченно вздохнули, хлопая себя по коленям и ногам:

— Наконец-то вы пришли в себя! Второй господин, вы, должно быть, столкнулись с чем-то нечистым.

Чэн Фэнтай с раздражением нахмурился и махнул рукой:

— Чепуха. Все, уходите, я спать.

Забравшись на кровать, он обнаружил, что его младший сын, разбуженный шумом, лежал в постели с широко открытыми глазами, спокойно глядя на него.

Чэн Фэнтай с еще большим раздражением кивнул в сторону ребенка:

— Уберите его.

Вторая госпожа поспешно сказала:

— Уберите, уберите.

Служанки вынесли третьего господина из комнаты. Чэн Фэнтай лег в постель и тяжело вздохнул, погрузившись в глубокую меланхолию.

Вторая госпожа видела его в таком подавленном состоянии только однажды — когда ему было шестнадцать, и его семья пережила трагедию. Ее охватила тревога, и она, пригнувшись к его уху, тихо спросила:

— Что вам сказали в Торговой палате? Они вас обидели?

Чэн Фэнтай покачал головой.

— Тогда что с вами?

Чэн Фэнтай закрыл глаза:

— Ничего. Просто мне немного тяжело.

Вторая госпожа, хотя внешне делала вид, что не придает ему значения, в душе относилась к нему с нежностью, как к ребенку. Услышав эти слова, она почувствовала острую жалость и, мягко погладив его лицо кончиками пальцев, спросила:

— Что вас тяготит?

Чэн Фэнтай ответил:

— Ян Гуйфэй повесилась. Император Мин-хуан умер от горя.

Вторая госпожа замерла, ее ногти слегка царапнули его подбородок:

— Вы с ума сошли?

Чэн Фэнтай тихо ответил:

— Да, я сошел с ума.

Вторая госпожа погасила свет и легла спать, не желая больше с ним разговаривать. Когда Чэн Фэнтай сходил с ума, лучше всего было просто оставить его в покое.

Чэн Фэнтай, глубоко потрясенный спектаклем Шан Сижуня «Дворец вечной жизни», несколько дней был словно не в себе, молчалив и рассеян. Он не выходил из дома, чтобы встретиться с друзьями, не занимался делами, ничто не вызывало у него интереса. Он сидел дома, курил сигареты, считал деньги, вздыхал и просто сидел, уставившись в одну точку. Иногда он брал на руки свою младшую сестру Чача'эр и сидел так целыми днями. Чача'эр обнимала его за шею и читала книгу, а он просто сидел, погруженный в свои мысли, и в комнате слышался лишь легкий шелест страниц. Вторая госпожа, видя это, начинала его ругать:

— Третья госпожа уже большая девочка, как ты можешь постоянно держать ее на руках? Даже если вы брат и сестра, между мужчиной и женщиной должна быть дистанция! Что люди подумают?

Чэн Фэнтай держал Чача'эр на руках уже больше семи лет и не видел в этом ничего странного. Особенно когда его что-то тревожило, он не мог обойтись без нее. Когда в их семье случилась беда, Чача'эр была еще совсем маленькой, словно кукла, которая только научилась ходить, и Чэн Фэнтай целыми днями носил ее на руках, переживая трудные времена. Чача'эр, которую он обнимал все эти годы, уже привыкла к этому и могла в его объятиях есть, читать, делать поделки и даже засыпать, не отвлекаясь от своих дел.

Сегодня, услышав замечание второй госпожи, Чэн Фэнтай, кажется, немного задумался и, похлопав Чача'эр по попе, спросил:

— Ты уже большая девочка?

Чача'эр кивнула.

Чэн Фэнтай сказал:

— Тогда второй брат больше не будет тебя держать. Слезай.

Чача'эр слегка поерзала, но не слезла. Чэн Фэнтай был рад, что она осталась, и, с усмешкой взглянув на вторую госпожу, продолжил держать ее.

Вторая госпожа, бросив на них неодобрительный взгляд, решила не спорить. В конце концов, Чэн Фэнтай в последние дни был словно не в себе, и если он хочет держать сестру на руках, пусть держит. Это лучше, чем если бы он делал что-то странное. Позже она вызвала к себе водителя Чэн Фэнтая, Старину Гэ, и подробно расспросила его. Чэн Фэнтай, в отличие от других богачей, не держал при себе свиту, и только Старина Гэ был ему ближе всех. Старина Гэ, зная о строгости второй госпожи, с дрожью в коленях рассказал ей половину правды,

упомянув Фань Ляня, но умолчал о танцовщице. На самом деле он и сам не знал, что вызвало такое состояние у Чэн Фэнтая, лишь вскользь упомянув Большой театр Цинфэн и Шан Сижую. Вторая госпожа, выслушав его, вызвала к себе брата и с упреком сказала:

— Скажи, как ты обидел своего шурина? Посмотри на него теперь, он даже есть не может, ты его совсем извел.

Фань Лянь, все еще обиженный на Чэн Фэнтая из-за их ссоры из-за женщины, был в замешательстве, но, опустив голову, выслушал упреки и с тяжелым вздохом сказал:

— Ладно, я пойду к нему — извинюсь перед его величеством!

<http://bllate.org/book/15435/1368573>